

Джон Браннер

Мертвец

Джон Браннер
Мертвец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155474

Содержание

Джон Браннер

4

Джон Браннер

Мертвец

Опыт посмертного соавторства

За Рио Галац, где пампа лежит грязным коричневым одеялом, постеленным сонным гаучо... только вместо блох по нему прыгают зайцы, я впервые услышал о человеке, который некогда несомненно был мертв, но теперь разговаривал и ходил. Называли его по-разному – Энеро, Анакуэль, Ретрато или Розарио, но, выпрашивая заново посетителей в очередной унылой лавчонке, я ощущал, что собеседники мои прекрасно знают его имя, только звуки не шли с их губ.

Однажды вечером перед грозой я прибыл в угрюмый город, имени которого не хочу здесь называть. Священник приютил меня. Пожилая женщина – неразговорчивая, загорелая, с щелью между передними зубами – подала нам тортильи, обжаренное мясо и жесткие недоваренные бобы; трапезу мы запили кислым пивом. Потом, прикуривая от медной почерневшей лампы одну из трех моих последних сигар, священник проговорил:

– Вы прибыли сюда из-за Лазаря.

– Почему вы так решили? – возразил я, стараясь скрыть облегчение, – это было то самое имя.

– Потому что нас не посещают по иной причине... разве что забредают путники, утомленные пампой, да редкие бродяги-торговцы. Вы не из тех и не из других. Утром, если хотите, можете встретиться с ним. Не угодно ли услышать его историю?

– А его и в самом деле зовут Лазарем?

– Нет, конечно.

– Прошу вас, продолжайте.

* * *

Имя у него определено было – ведь крестили же его, – только более им никто не пользуется. Даже он сам не произносит его. Мать его умерла в родах, отец сгорел от какой-то лихорадки через несколько лет после этого, воспитывал его двоюродный брат. Рос он как всякий мальчишка в наших краях; ездить верхом выучился едва ли не раньше, чем ходить, а о домашней скотине знал больше, чем о роде людском.

У двоюродного брата были свои сыновья, и ему приходилось занимать подчиненное положение, в особенности по отношению к старшему из них, Луису, его ровеснику. Хотя он и был выше, сильнее и – вне сомнения – смышленее, но таил обиды, пока ему не исполнилось семнадцать: словно бы под густым слоем пыли в сердце его горела просыпанная порохом дорожка.

Тут двоюродный брат вместе с приемным отцом решили, что он уже достаточно созрел, чтобы ездить с мужчинами из estansia¹ пить и плясать, хвастать и драться, если придется. Так у нас принято.

Здесь развлечений немного.

Через несколько месяцев он сделался невыносим. В новой для него городской обстановке он явил свое истинное лицо. Он изобретал гнуснейшие оскорбления, подобных которым никто не умел придумать; однако отпускал их столь невозмутимым, даже сонным тоном, что трудно было принять их всерьез.

Приятели его скоро привыкли осмеивать всякого, кто не мог воспринять их как шутку. Луис тоже был из таких. И никого особенно не удивило, что когда он со своей компанией отправлялся в город, всегда исчезала какая-нибудь ценная штукавина... а потом нечто удивительно похожее непременно обнаруживалось на чьем-нибудь поясе или уздечке лошади... За две войны мы успели наглядеться на кровь. И все были только рады тому, что они всего-навсего смеялись – пусть и скривив рот, – вместо того, чтобы резать друг друга нетерпеливой сталью.

Это было до Инкарнасьон.

Конечно, старая сказка. Они с Луисом ухаживали за одной девушкой.

Поговаривали, что девица в равной степени оделяла их

---

¹ Помесье (исп.)

своей благосклонностью – она тоже была сиротой, и возможности отказать, по сути дела, не имела... однако каждый из двоих долгое время почему-то не подозревал, что она значила для другого.

Наконец секрет открылся – и доказав на деле, что он не только сильнее и выше, но и проворнее, он оставил Луиса лежать в грязи и уехал. После этого года три о нем не слыхали.

Знали только, что к северу отсюда какой-то бандит набрал недовольных в свою шайку, и они грабили одинокие фермы, угоняли скот, нападали на экипажи и даже на поезда. С женщинами они обходились жестоко. Но у нас не было доказательств, что возглавлял их именно тот, кого мы знали.

В одной только ночной рубашке Инкарнасьон с криком влетела в церковь во время ранней мессы, чтобы объявить о его возвращении. Я поспешно закончил службу и выскокил наружу, даже не сняв облачения. На загнанной хромой лошади, странно выпрямившись в седле, он ехал по улице. Поравнявшись с церковью, бедное животное, споткнувшись, остановилось, и я увидел, что из груди всадника, как раз против сердца, торчит серебрянная рукоятка ножа.

Я узнал нож – его украли из моего дома.

Ни слова не говоря, не шевелясь, он глядел прямо вперед.

Прикоснувшись к его руке, я ощутил холодную плоть, влажную, словно только что извлеченная из воды рыбина. Я поискал пульс на запястье. Его не было. И на смертном одре повторю эти слова, сердце его не билось. И его застывшие

глаза глядели вперед, ничего не видя перед собой.

Начала собираться встревоженная толпа, но ни им, ни мне не удалось остановить Инкарнасьон. Вскрикнув, она извлекла нож из его груди и в мгновение ока обратила против себя. Я и не думал, что она любила его.

Иногда мне казалось – она любила Луиса и ненавидела того, кто сейчас смертью своею лишил ее долгожданной возможности отомстить. Так или иначе она упала на землю, а он повалился на шею коня.

Но она пала замертво, а он, упав, ожил. Секундой позже из раны его заструилась кровь.

Среди нас нет врача, правда, я кое-что понимаю в медицине, но у нас есть *curanderos*² – старухи, вроде моей домоправительницы – они знают толк в травах. Через несколько дней он был уже на ногах.

Только оставался бледным и говорил немного. Он исповедался, рассказал о своих злодеяниях – этим я не нарушу тайны, он признавался в них не мне одному – и отбыл преобразенным. Стал усердно и безропотно работать, все заработанное отдавал бедным и дряхлым, ел, что дают, и спал, где придется.

Из трат позволял себе лишь цветы на могилу Инкарнасьон. Исчезла гордость, а с нею похоть и гнев. Действительно, некоторые говорят, что, умерев, он отправился в рай и ангелом вернулся в тело мужчины. Но я в этом сомневаюсь.

---

² Знахарки (исп.)

От сигары остался окурок. Священник смял его, поднялся.

– Утром, – проговорил он, – вы встретитесь с ним, и сами решите, какой это ангел.

* * *

Я нашел его соответствующим описанию: в ветхой одежде, босой и бледный, он нес две полных бадейки с водой и поначалу не хотел оставлять работу.

Возможно, он понял, что я не похож на обычных охотников за сенсациями, встречавшихся прежде с этим чудом природы. Быть может, он увидел во мне ученого и тем объяснил мое любопытство. Кто знает? Главное, что после того, как я предложил ему последнюю сигару – и получил отказ, он отвел меня в сторону, где мы могли усесться и без всяких преамбул спросил:

– А знаете ли вы, что такое быть мертвым?

Я покачал головой.

– Не знаю, что бывает с теми, кто почил с миром, – произнес он. Голос его был тонок; однако если судить по произношению, я, против ожидания, беседовал с образованным человеком. – Могу сказать, что бывает с теми, кто умер насильственной смертью.

– Когда становится хуже некуда – все останавливается. В

тот самый миг, когда ты осознаешь, что происходит. Когда боль от раны становится нестерпимой. Более того – в тот самый миг, когда ты осознаешь все ошибки, что привели тебя к смерти; нет, не то, что ты проглядел последний выпад убийцы, упустив нож из вида, – нет, каждую ошибку с тех пор как научился говорить, каждую ложь, каждый обман, каждую жестокость и насмешку, всякий поступок, заставивший другого возненавидеть тебя. Или не поверить тебе – это настолько же плохо.

– И тогда вот, на пике агонии, как я уже сказал, все и прекращается.

– Только мысль остается. Она продолжается. И будет продолжаться – до конца вечности. Мир наш сотворил очень жестокий Бог. Он хочет, чтобы мы страдали, и никогда не перестанет изобретать новые способы достижения своей цели. Все мы Его жертвы – и вы тоже, и священник. Я все рассказал ему, но он сделал вид, что не поверил. Если Господь жесток, сказал он, разве мог бы я превратиться из отъявленного грешника – бандита, убийцы, насильника – в добродетельную персону, которая сейчас перед вами!

Я сам задавал себе этот вопрос: в те дни я еще сохранял остатки веры.

– Это, чтобы вам тоже теперь терзаться, – помедлив объявил он и поднялся. – Я, правда, держусь другого мнения. Для меня важно вот что. После смерти я познал запредельное зло, которое покоряется одному лишь Создателю. Все

ничтожные пороки и грехи рода людского только бледная тень этого зла.

И он направился к своим ведрам.

– Подождите! – вскричал я, чуть не попытавшись перехватить его за руку... но в последний момент возможность физического контакта устрошила меня.

Остановившись, он поглядел на меня пустыми глазами – такими наверно были они в день его возвращения.

– Но каким образом ваша история может заставить меня страдать? – поинтересовался я.

– Очень просто! Весь остаток своей жизни вы будете гадать, прав я или нет. Только я, в конце-то концов, уже побыл мертвым.

Взяв ведра, он направился прочь.

Это случилось тридцать четыре года назад, тогда я был молод. С той поры я отдался изучению фольклора и библейской экзегезы. Тысячу раз, сотню тысяч, читал я о воскресении, и чаще всего, конечно, повествование об Иисусе и Лазаре. Но никогда не находил утешения. Все случилось так, как предсказал бывший мертвец.

Теперь, на семьдесят третьем году, я понимаю, что срок моего свидания с истиной уже недалек. Здоровье мое ухудшается, пора решаться. Он говорил, что знает, как бывает с теми, кто умер насильственной смертью. Я купил бутылочку яда. Говорят, он действует мягко – просто засыпаешь. Навсегда.

Если действительно мы запечатлеваемся в вечности такими, как в последний миг, а после ничего уже не меняется, кроме мыслей, – так вот, я не желаю, чтобы у меня вообще были хоть какие-то мысли перед концом.

Я промокну эту страницу и оставлю свои записки в том месте, где их найдут. Рюмка ждет рядом с бутылкой. Я разжег очаг – сегодня холодно.

Отсветы пламени играют на гранях стекла, напоминая об Аде.

Какая жестокость со стороны Творца... зачем понадобилось Ему, чтобы создания Его знали о неизбежности смерти?